

Воспоминания о Владимире Сергеевиче Алхимове

25 октября 1919 года — 9 января 1993 года

Никонов А. В.¹

Уверен, что каждый, кто поработал хоть немного в государственном ведомстве, а особенно в системообразующем, хорошо знаком с ситуацией напряжённого ожидания в момент смены руководства. Ждут все, независимо от служебного положения, ждут смены курса, ответственности, той самой метлы, от которой решительно могут измениться их планы. Так было и в Госбанке СССР в 1976 году, когда пост председателя правления покинул Мефодий Наумович Свешников.

В понимании сотрудников сложились две традиционные к тому времени версии: банк получит со стороны очередного заместителя министра финансов или впервые появится кандидатура из своих рядов. Вторая версия довольно активно обсуждалась, а её последователи с большим рвением приступили к осаде кабинета первого зампреда правления Петра Яковлевича Пчелина, который, кстати, как человек вполне прагматичный и реально представляющий расклад сил, как мог успокаивал суетившихся и просил больше внимания уделять практической работе. Правда, озвучивался и альтернативный вариант, что кандидатом может стать представитель Внешторгбанка СССР, но поскольку он имел прямое отношение к системе, то особых тревог такой выбор не вызывал, а вероятная кандидатура определялась без сомнений. За первую версию, конечно же, было абсолютное большинство, которое уверенно полагало, что сложившаяся практика соподчинения мнению Минфина не может быть поколеблена, а значит, надо просто спокойно дожидаться, когда новый председатель озвучит свою программу действий.

Но, как известно, всё сложилось иначе, и кабинет председателя Госбанка СССР занял выходец из Минвнешторга — Владимир Сергеевич Алхимов. Досужее мнение тут же сформировало два вероятных объяснения случившегося: одно определялось как почётная отставка для перспективного профессионала, за которой последует лишь смена команды в руководстве,

¹ Алексей Васильевич Никонов 20 лет работал в системе Госбанка СССР. С 1977 по 1984 год избирался освобожденным секретарём парткома Госбанка СССР. В начале 90-х годов — заместитель председателя правления Сбербанка СССР.

**Владимир Сергеевич
Алхимов**

1947–1950

Слушатель Всесоюзной академии внешней торговли

1950–1955

Заведующий отделом цен Научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешней торговли СССР

1955–1958

Заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешней торговли СССР

1958–1960

Торговый советник СССР в США

1960–1967

Заместитель начальника, начальник главного валютного управления Министерства внешней торговли

1967–1976

Заместитель министра внешней торговли СССР

1976–1986

Председатель правления Государственного банка СССР

а вторая предрекала основательную перестройку направлений деятельности Госбанка, а значит, и его статуса. Оба подхода вызывали тревожное ожидание, но одно казалось бесспорным: руководить банком приходит известная в финансово-экономической деятельности Личность, и личность именно с большой буквы. Даже ветераны банка, помнившие ещё приход Н.А.Булганина, а это, по их рассказам, было действительно уникальное для Госбанка событие, отмечали, что у подъездов дома на Неглинной улице никогда ещё не останавливалось такого количества автомашин с дипломатическими номерами. Проходя по залам банка, можно было неожиданно встретить того или иного гостя, которого раньше мы видели только на экране телевизора. Фраза «Знаете, кого я сегодня встретил?..» теперь становилась основой живейшего обсуждения в любой компании.

Постепенно мы знакомились с биографией нового председателя. Родом со Смоленщины, выходец из крестьянской семьи, от звонка до звонка прошёл Великую Отечественную войну. Из всех наград носит только звезду Героя Советского Союза, полученную им за беспримерное мужество в годы войны. Особо отмечается его подвиг 7 августа 1944 года в тяжелейших боях за населённый пункт Тупики (Литва). При отражении контратаки 35 танков, за которыми следовала пехота, он, 25-летний юноша, гвардии лейтенант артиллерийского дивизиона, будучи корректировщиком огня, вызвал огонь дивизиона на себя. 6 танков были подбиты, остальные не смогли прорваться сквозь заградительный огонь и повернули обратно. Было и много других событий, за которые он был награждён орденами Отечественной войны 1-й степени, Красного Знамени.

Война прервала его учёбу в Ленинградском финансово-экономическом институте; уже на пятый день после её начала студент Алхимов ушёл добровольцем на фронт, но уже в 1947 году успешно завершил учёбу. А дальше Академия внешней торговли, защита диссертации по британским банкам, работа в США, научном институте, в министерстве внешней торговли. Между прочим, когда было особенно трудно, писал стихи.

Многочисленные биографические справки, опубликованные в разных изданиях, дают представление о жизненном пути В. С. Алхимова, его персональном вкладе в повышение авторитета страны на международном уровне, умении добиваться успехов в такой непростой финансово-экономической сфере. Мне же хотелось привести некоторые, более частные, примеры из его практической работы на посту председателя правления Госбанка СССР, раскрывающие глубину природного таланта, огромной внутренней культуры и интеллигентности этого неординарного человека. По-моему, он заслуживает такой памяти.

Не берусь утверждать, что был хорошо осведомлён о всех особенностях его профессиональной деятельности. Надеюсь, что этот недостаток смогут дополнить другие коллеги, работавшие с ним в центральном аппарате Госбанка СССР. Я же изложу свои впечатления с позиций руководителя управления и секретаря партийного комитета, должностей, которые занимал на протяжении практически всего периода работы В. С. Алхимова в Госбанке СССР. При этом мне хотелось бы акцентировать внимание на Владимире Сергеевиче профессионале-управленце и человеке. Понятно, что оба эти аспекта не могут рассматриваться отдельно друг от друга, однако, к сожалению, далеко не в каждом руководителе они сочетаются так органично.

Итак, можно сказать, что коллектив Госбанка удивительно быстро принял нового руководителя. Конечно, всё гладко никогда не бывает, и поэтому не обошлось без пикантных событий и в этот раз. Почему-то особенно задело некоторых членов коллектива решение нового председателя привезти с собой из министерства рабочее кресло. Трудно сказать, как распространяются подобные слухи, но именно эта деталь на какое-то время активно обсуждалась в кулуарах. По всей видимости, об этом стало известно Алхимову и это явно задевало его за живое, так как в нескольких случаях я обращал внимание, как он по собственной инициативе объяснял очередному гостю, что принял решение перевезти своё кресло в банк, ибо оно очень удобно и создаёт дополнительный комфорт в работе. Мне даже трудно было представить, что какой-то другой руководитель заметил бы такую тему, обсуждаемую подчинёнными.

Но всё-таки это были незначительные детали. Важнее было понимание того авторитета, который был у В. С. Алхимова в международных деловых кругах, его глубокие знания и опыт в финансово-экономической сфере, а может, просто умение тактично и чётко построить систему управления и огромная ответственность. Думаю, необходимо также отметить, что он быстро оценил высокий уровень подготовки аппарата Банка, глубокие знания его специалистов не только собственно банковской работы, но и особенностей обслуживаемых ими отраслей народного хозяйства. Специалисты центрального аппарата Госбанка, как правило, имели к тому вре-

мени большой опыт работы в низовых звеньях системы, часто бывали на обслуживаемых предприятиях. В тот период времени специалист Банка мог оперативно проконсультировать не только своего коллегу в низовом аппарате, но и хозяйственного руководителя обслуживаемой отрасли. Умение анализировать, грамотно и доходчиво готовить рабочие материалы высоко ценилось в государственных и партийных органах. Поэтому наши сотрудники всегда активно привлекались к работе в различных комиссиях, при подготовке материалов для рассмотрения на заседаниях Верховного Совета СССР, пленумов и съездов КПСС.

Одним из первых практических шагов, который реализовал В. С. Алхимов, была отмена многочисленных рабочих совещаний, проводимых с участием председателя, а также резкое сокращение числа вопросов, рассматриваемых на заседаниях правления. Это была весьма актуальная к тому времени тема. Сложившаяся с годами практика их проведения отвлекала от текущей работы не только тем, что приходилось готовить большие объёмы документов, но и тем, что необходимо было присутствовать на таких заседаниях. Причём люди вдруг делились на тех, кто участвовал в заседаниях и мог ответить на возникающие вопросы, тех, кто ждал своей очереди в приёмных, и тех, кто находился на рабочем месте и был готов срочно предоставить необходимую справку. Можно было бы привести много примеров полезности такой работы, но и издержек от неё было немало. После прихода Алхимова зампреда, руководители управлений получили достаточно полномочий, чтобы самостоятельно решать многие вопросы, отвечая за те планы и обязательства, которые на себя принимали. И эта, казалось бы, небольшая деталь в корне поменяла работу аппарата.

Конечно, на первых порах не обходилось без курьёзов. Приведу один такой пример. Каждый год в Госбанке верстался план капитальных вложений и каждый год мы всем миром обсуждали этот документ. Зал заседаний правления всегда был полон, хотя добрая половина участников имела к нему лишь косвенное отношение, а бурные споры неожиданно возникали иногда по самым незначительным поводам. Новый подход позволил снимать эти самые поводы на предварительной стадии обсуждения у конкретных зампредов с участием только заинтересованных сторон и лишь готовый материал обсуждать на заседании правления.

Однажды в ходе подобной работы из приёмной председателя раздался телефонный звонок, из которого следовало, что я должен был срочно зайти к В. С. Алхимову. В кабинете уже присутствовали Д. В. Махов, отвечавший за работу нашего управления автоматизации, и Г. А. Трифонов, ведавший кадрами. Оба зампреда были достаточно возбуждены, хотя чувствовалось, что Дмитрий Васильевич находился в некоторой растерянности. Оказалось, что обсуждался уже завизированный им план капитальных вложений,

30-летие ГДР. В посольстве ГДР В. С. Алхимову вручают награду. Слева направо А. В. Никонов, председатель правления Международного инвестиционного банка К. И. Назаркин и председатель правления Внешторгбанка СССР Ю. А. Иванов. 1979 г.

в котором Трифонов нашёл некую строчку, где по запросу Литовской конторы Госбанка СССР предусматривались средства на сооружение фонтана и приобретение оборудования для боулинга в строящемся здании вычислительного центра. Из уст Григория Андреевича, «виновника торжества», я тут же услышал полную сарказма речь о поощрении барских замашек руководителей конторы и своём попустительстве таким проявлениям за государственный счёт. Я заметил, что В. С. Алхимов сосредоточен, но иногда у него проскакивала легкая улыбка, которая говорила о неоднозначности его отношения ко всему происходящему. Мне пришлось подробно рассказать о том, что фонтан всего лишь техническое сооружение для охлаждения воды, необходимое при работе вычислительного центра, которое заменит градирни, применяемые с той же целью, но уродующие архитектуру здания. Деньги, по сути, одни и те же, а удобств и привлекательности значительно больше. Что же касается боулинга, то, как бы ни звучало экзотически, это одна из форм культурного и спортивного досуга, уже входящего в практику некоторых организаций в Прибалтике. Предполагалось приобрести оборудование всего двух дорожек, на которые было необходимо не так уж много средств. Немного понаблюдав за нами, в разговор вступил В. С. Алхимов, которому, оказывается, звонил управляющий с просьбой разрешить такое приобретение, и одним из аргументов было то, что некоторые министерства в республике уже приобрели боулинги и банку не хотелось выглядеть ниже их уровня. Он мягко, но достаточно определённо сказал, что два споривших зампреда вполне могли решить такой вопрос сами, и закрыл тему. Выходя

из кабинета председателя, видимо, для верности, Трифонов ещё пытался высказываться о своих сомнениях по этому поводу, но повеселевший Махов уже предлагал ему сыграть партию в боулинг на открытии центра. Мне же подумалось, что определённый консерватизм и привычка к спартанским условиям быта, которые всегда были свойственны Госбанку, обязательно бы победили, а итог обсуждения на совещании или на правлении в прошлом был бы далеко не в мою пользу.

Серьёзные изменения произошли и в одном из важнейших направлений деятельности Госбанка — в практике кредитования. Имея свою принципиальную позицию о том, как следует обслуживать долговые обязательства в международной сфере, В. С. Алхимов начал проводить ту же линию и в отношении внутреннего краткосрочного и долгосрочного кредитования. Казалось, что в этом направлении сделано уже достаточно много — от инструкций, методических указаний до обширной многолетней практики Госбанка в управлении общегосударственным ссудным фондом.

В качестве справки можно отметить, что краткосрочные кредиты к этому времени формировали значительную часть оборотных средств в хозяйствах. В промышленности, например, каждый второй рубль оборотных средств создавался за счёт банковских ссуд, а в некоторых других отраслях и того выше. Развитие науки и техники, техническое перевооружение и реконструкция действующих предприятий увеличивали потребности в долгосрочном кредитовании. Во внешнеэкономических связях всё большее распространение стали получать компенсационные соглашения, на основе которых строились крупные народно-хозяйственные объекты в газовой, нефтехимической промышленности, чёрной и цветной металлургии и других отраслях.

Алхимов ощущал проявления вседозволенности, легковесного подхода к выбиванию некоторыми руководителями государственных средств. Под удар стал попадать основополагающий принцип возвратности кредита. Подход к этому делу в виде известной восточной мудрости «Или эмир померёт, или осёл сдохнет» его категорически не устраивал. Он стал жёстко требовать серьёзного подхода к подготовке и исполнению кредитных договоров на всех уровнях. Хорошо известна его любимая фраза: «Не занимай, пока не погасил». Однако если такая политика Госбанка СССР в международных отношениях увеличивала доверие иностранных партнёров к советским долгам, то в нашей стране она зачастую у отдельных руководителей вызывала лишь раздражение. Думаю, что неуступчивость Алхимова в этих вопросах дорого обошлась ему же самому и иногда приводила к эмоциональным срывам. Однажды, зайдя к нему в кабинет по какому-то текущему вопросу, я стал невольным свидетелем его разговора по «кремлёвке», правительственной телефонной связи. Судя по тому, что телефон-

ный аппарат относился к «первой кремлёвке», разговор был с кем-то весьма высокопоставленным. Председатель бурно доказывал, что некто, пользуясь хорошими отношениями в правительстве, совершенно необоснованно требует увеличения размера кредита и пролонгации его возврата, что у него нет реальных шансов вернуть денежные средства вовремя и они не появятся в ближайшее время. Повесив трубку, Алхимов какое-то время молчал, при этом его лицо явно отражало те слова, которые он не смог или не успел сказать собеседнику, а потом коротко бросил: «Звонил начальник цеха...» Увидев на моём лице удивление, Владимир Сергеевич пояснил, что так они между собой называют Н. А. Тихонова — председателя Совмина. «Руководит правительством, а рассуждает на уровне начальника цеха, из которого так и не вырос за все годы», — уточнил он. Конечно, это был эмоциональный срыв, и позже он ещё ездил отстаивать свою позицию, но, насколько я знаю, на компромисс всё-таки не пошёл.

Особое место в начальной стадии работы В. С. Алхимова в Госбанке СССР занимал известный процесс по Сингапурскому отделению Моснарбанка, нашего совзагранбанка. Сразу оговорюсь, что не буду излагать всех первопричин и проблем, связанных с этим событием. О них достаточно подробно написано в книге «Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко, записанные Николаем Кротовым», вышедшей в 2010 году. В то время я уже работал секретарём парткома Госбанка СССР, и Владимир Сергеевич настоял, чтобы я присутствовал на всех заседаниях Верховного Суда СССР. Вероятнее всего, для более корректной оценки тех событий Алхимову необходимо было сравнить несколько мнений, он предполагал, что последует частное определение и ему нужно было быть к нему готовым.

Каждый раз, после очередного заседания суда, а он продолжался почти два месяца, мы обсуждали складывающуюся ситуацию. Алхимов внимательно выслушивал меня, по некоторым вопросам просил дать свою оценку, иногда выдвигал собственную версию тех или иных событий. Мы встретились по обыкновению и после оглашения приговора. Это было, наверное, самое непростое обсуждение. С одной стороны, всё понятно, вина каждого судом доказана и спорить с этим невозможно, но и условия, в которых оказались сотрудники банка, были, по нашему мнению, неравнозначны. Главное решение суда о высшей мере для руководителя отделения В. И. Рыжкова, как казалось, было вполне обоснованным, и мы его подробно не обсуждали. Больше внимания в этот момент было уделено предстоящей оценке случившегося и тем выводам, которые надо будет делать после получения частного определения Верховного Суда. Я понимал, что Алхимова в большей степени уже занимала проблема возврата долгов и то, с кем эта работа будет проводиться.

О том, какая нагрузка легла на него в последующие дни, можно было судить по потоку людей, проходящих через его приёмную, да по ответам секретарей на телефонные звонки, предлагающим перезвонить позже. Прорвавшись всё-таки однажды по безотлагательному делу, я увидел Алхимова оптимистически настроенного, имеющего реальный взгляд на возможности решения проблем и, главное, твёрдую позицию по каждому из участников этого печального дела. Здесь я узнал, что он решительно защищает позицию об отмене высшей меры для В. И. Рыжкова и необходимости непосредственного участия Вячеслава Ивановича в переговорах по возврату долгов. Признаюсь, что это предложение было для меня полной неожиданностью, но я лишний раз был поражён его умению находить нестандартный выход из трудного положения и решительно отстаивать принятое решение на любых уровнях. Уже значительно позже я узнал, что на это решение большое влияние оказала позиция В. В. Геращенко, на которого легла значительная доля нагрузки по урегулированию долговых проблем, но и умение собирать вокруг себя умных и решительных людей было неоспоримой заслугой В. С. Алхимова.

В период работы в Госбанке СССР В. С. Алхимова, как известно, готовились и проводились в 1980 году Олимпийские игры. В стране с государственной валютной монополией и в то же время с активно развивающимся иностранным туризмом было необходимо быстро обеспечить работу по организации и совершенствованию расчётов неторгового характера, расширить сферу услуг для населения и иностранных туристов, осуществить меры по развитию сети обменных пунктов. На мой взгляд, успех этой работы во многом был связан с талантом организатора, присущим Владимиру Сергеевичу. В этот период в Москве открылись представительства 30 иностранных банков, обеспечивающих контакты с Госбанком СССР, Внешторгбанком СССР, объединениями Министерства внешней торговли и другими организациями. Удалось обеспечить работу по внедрению прямых расчётов дорожными чеками Внешторгбанка, еврочеками, кредитными карточками. Резко повысился уровень обеспеченности системы новейшей по тем временам электронно-вычислительной техники, появились передвижные пункты обмена валюты и т. д. Вместе с этим рос и укреплялся авторитет Госбанка СССР как самостоятельного государственного ведомства, с мнением которого следовало считаться.

Нужно сказать и то, что В. С. Алхимов смело мог быть отнесён к успешным общественно-политическим деятелям. Депутат Верховного Совета СССР трёх созывов, член ЦК КПСС, блестящий оратор, свободно общавшийся с прессой, впервые в практике Госбанка СССР допускавший журналистов и телевидение на заседания правления. Владимир Сергеевич замечательно умел общаться с людьми. Наверное, поэтому, когда я был при-

65-летие В. С. Алхимова. Д. Г. Черник (МГК КПСС), зампред Госбанка СССР В. А. Пекшев. 1984 г.

глашён к нему и услышал, что меня рекомендуют на должность секретаря парткома Госбанка СССР, мои аргументы против оказались бледными. Алхимов сумел показать, что хождение по партийным кабинетам занимает в нашем деле немалое время и требует больших усилий. Он предложил это делать вместе. Никогда не забуду, как после всех этих красивых слов, он посмотрел на меня и вдруг, сказал фразу, которую я никак не мог от него ожидать. Скорее всего, не дословно, но прозвучала она примерно так: «Работы будет много, благодарности за неё не ждите, а если вас поблагодарят, то задумайтесь, правильно ли вы поступили». Я потом много размышлял над этими словами, но, пожалуй, именно они больше всего повлияли на моё решение взяться за новую работу.

Первым же испытанием стало то самое дело Сингапурского отделения, о котором я упоминал выше. Полученное из Верховного Суда частное определение кроме вопросов, затрагивающих профессиональную деятельность Госбанка СССР и Внешторгбанка СССР, указывало на некоторые аспекты деятельности конкретных людей, работающих в Банке. Поскольку они были коммунистами, то логично вытекала необходимость рассмотрения их ответственности, как тогда говорили, по партийной линии. Дело контролировалось Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС и городским комитетом партии. Мы встретились с Владимиром Сергеевичем и подробно обсудили наше видение предстоящей работы, наши версии по каждому из тех, кто так или иначе был причастен к этим печальным событиям. Не буду

говорить, что были какие-то противоречия, ведь мы действительно уже многое обсудили в ходе самого процесса, но разные взгляды на конкретных участников всё-таки проявились. И вот здесь необходимо отметить ту тактичность, которую проявлял В. С. Алхимов. Напомню, что я всё-таки разговаривал с членом ЦК КПСС, человеком, который по общественному положению был намного выше меня, хотя одновременно с этим являлся рядовым членом партийной организации Госбанка СССР.

Я уделяю этому такое внимание, потому что в последующем от менее влиятельных людей, а иногда и просто случайных для партии функционеров достаточно слышался высокопарных слов об ответственности, значимости и величии партии, за которыми, кроме банального шантажа, ничего не просматривалось. Ни единого намёка на превосходство, никакого давления, умение приводить весомые аргументы и раскрывать вероятные обстоятельства, в которые мог попасть тот или иной человек, уверенность в собственной позиции — было стилем ведения разговора Алхимовым. Поэтому, когда в одном из почему-то полутёмных кабинетов инспектора Комитета партийного контроля мне сказали, что не стоит придумывать оправдания тем, кто в 1937 году ждал бы у них высшей меры, у меня была уверенность, что наша согласованная и в целом достаточно жёсткая позиция не претерпит изменения.

Об одном только исключении просил Владимир Сергеевич тогда, подчеркиваю, именно просил, чтобы в последующем, когда закончится срок заключения Юрия Алексеевича Балагурова, работавшего до сингапурского дела заместителем председателя Госбанка СССР, к нему отнеслись бы с максимальным вниманием. Он был уверен, что, несмотря на решение суда, в его судьбу закралась роковая ошибка, исправить которую в тот период оказалось невозможно. Прошло почти десять лет после тех печальных событий, и работавший уже тогда в Министерстве морского флота Ю. А. Балагуров был восстановлен в рядах КПСС, и мне, тогда уже первому секретарю Дзержинского РК КПСС, было приятно пожать его руку и вручить партийный билет. Тяжёлые испытания не сломили его, он был бодр, энергичен, хотя и с грустью вспоминал те лихие годы, а мне и сейчас радостно осознавать, что выполнил я данное в своё время В. С. Алхимову обещание.

Вспоминается ещё одна деталь, совсем небольшая, но характеризующая Алхимова и как профессионала, и как политически корректного человека. Однажды по сложившейся традиции представители коллектива Госбанка СССР должны были участвовать в праздничной демонстрации, посвящённой очередной годовщине Октября. Как всегда, по разнарядке района коллективу предстояло показать на Красной площади некий транспарант. В этот раз на нём должен был быть изображён дядя Сэм, неизбежно провалившийся в своей политике мирового господства. Поскольку традиция

вывоза таких транспарантов была делом обычным, хозяйственные службы приступили к его исполнению. Не знаю, откуда Алхимов узнал о содержании транспаранта, но он вдруг пригласил меня и попросил показать ему эскиз рисунка. Улыбнувшись и одобрив принципиально изображение, он спросил, нельзя ли как-нибудь отказаться от этой затеи. На высказанное мною сомнение Владимир Сергеевич кратко обрисовал ситуацию с подготовкой к московской Олимпиаде, усилиями, которые предпринимаются Госбанком по налаживанию международных отношений. «Представляете себе последствия, если узнают, кто везёт такую картинку?» — спросил он. Так глубоко я, конечно, не заглядывал, да и возможно ли, казалось мне, определить в огромной массе народа на Красной площади, кто везёт то или иное изображение. «Ошибаетесь, — сказал он, — определяют совершенно точно, и ведь никому не скажешь, что нас обязал район, этого просто не поймут. Одним словом, найдите, пожалуйста, любой повод, но снимите с нас эту обузу». Повод, конечно же, был найден, и в этот раз мы вообще ничего не вывозили на демонстрацию, но я твёрдо усвоил, что в поддержании авторитета организации мелочей нет.

В 1980 году страна готовилась отметить 35-летие Победы в Великой Отечественной войне. Готовилась к этому событию и система Госбанка, многие тысячи сотрудников которой героически защищали свою Родину. В эти дни вспоминали тех, кто не вернулся с полей сражения, кто в трудные годы лихолетия оставался верен своему профессиональному долгу, тех, кто под огнём противника спасал государственные ценности. Известно, что к началу войны в системе Госбанка работало около 133 тысяч человек, из них примерно 49% составляли женщины, а в 1945 году их доля составляла уже 73%. Около 80% управляющих отделениями Госбанка сражались на фронте. Практически в каждом коллективе вспоминали о своих погибших товарищах. К этой дате было решено обновить мемориальную доску с именами сотрудников центрального аппарата Госбанка, павших на полях войны, и подготовить ритуал минуты молчания. Мы попросили В. С. Алхимова обратиться в Музей Вооружённых Сил, чтобы нам были предоставлены знамёна тех частей, под которыми воевали не вернувшиеся с войны банковцы. Нам хотелось найти и знамя 261-го гвардейского пушечного артиллерийского полка, в составе которого воевал Владимир Сергеевич. В сопровождении солдат роты Почётного караула, накануне Дня Победы, эти знамена приняли участие в памятном ритуале. К большому сожалению знамя полка В. С. Алхимова, которое нам удалось увидеть в музее, настолько пострадало в боях, что его было просто невозможно забрать. Помню, с каким глубоким чувством рассказывал тогда Владимир Сергеевич о днях войны, о павших товарищах, своём ранении. Кстати говоря, текст в ритуале минуты молчания, по просьбе Алхимова, нам запи-

сал известный диктор Всесоюзного радио Ю. Б. Левитан, что придавало особую торжественность моменту.

Интересный эпизод произошёл в конце лета 1979 года. Мне позвонили из посольства Германской Демократической Республики и попросили, чтобы я организовал встречу В. С. Алхимова с послом, так как он должен был вручить ему почётный знак, посвящённый 30-летию образования ГДР. Меня удивило это обращение, и я порекомендовал позвонить непосредственно в секретариат председателя или в управление внешних сношений, которое занималось подобными мероприятиями. В ответ я услышал, что они предпринимали эту попытку, но, как им отвечают, из-за постоянной занятости Алхимова такая встреча никак не может быть назначена. Тут же была высказана версия, что, может быть, Алхимову не очень удобно получать этот знак как участнику войны, но они всё делают совершенно искренне в знак глубокого уважения и поэтому просят меня, как секретаря парткома, поговорить с Владимиром Сергеевичем и снять возникшее напряжение. Пообещав сделать всё возможное, я отправился к Алхимову. Он внимательно выслушал меня и сказал, что просто не придавал этому мероприятию особого значения, действительно был очень занят и просто физически не готов был вырваться на такую встречу. Однако, сказал он, нельзя допустить, чтобы товарищи так подумали, и нам надо немедленно урегулировать эту неловкость. В согласованный день мы поехали в посольство ГДР, и, что интересно, было заметно, как волнуется Владимир Сергеевич, переживает за неправильно понятую немецкими товарищами ситуацию. Встреча прошла вполне дружески. Алхимов непринуждённо шутил, как будто и не было того волнения, но в своём ответном слове не преминул заметить, что на фронтах войны он, как и все воины, боролся против фашизма, а не против немцев и участвовал в освобождении Восточной Пруссии ради счастливой и свободной жизни нового поколения.

Теперь мне хотелось бы проиллюстрировать гражданскую позицию В. С. Алхимова, как человека. Наверное, каждый может привести не один пример из своего прошлого и настоящего, когда непростая жизнь, «высокие кабинеты» как бы стирали у людей чувство сострадания, доброты. Такие руководители могли оставаться решительными и умными, но глухими к чужой беде. Вот только два небольших примера совершенно другого свойства из жизни Владимира Сергеевича.

В далёком теперь уже 1974 году в пионерском лагере Госбанка СССР, что располагался в подмосковном посёлке Вороново, срочно потребовался физорг. Коллектив пионервожатых, который состоял из молодых сотрудников центрального аппарата Госбанка, попросил руководство командировать для этой работы ведущего специалиста управления эмиссионно-кассовых операций Олега Николаевича Россенкова. Это был молодой, увлекающийся

Вручение удостоверения «Почётный гражданин г. Смоленска». Начальник Смоленской областной конторы Госбанка СССР В. И. Карелин и В. С. Алхимов. 1979 г.

спортом парень, весельчак, один из тех, кого обычно называют душой компании. Не сразу, но просьба была удовлетворена, и он, появившись в пионерском лагере, в тот же день организовал товарищескую встречу по футболу между вожатыми лагеря и пионерами старшего отряда. К сожалению, именно в этой встрече он сломал ногу и попал в местную больницу. Перелом оказался сложным, и с этого дня началась его больничная эпопея, которая в результате длилась два с лишним года. Много мучений пришлось ему пережить, но риск потерять ногу становился реальнее, что было бы большой трагедией для этого парня. Но однажды, будучи на приёме у Алхимова, уже работавшего к тому времени в Госбанке, начальник управления эмиссионно-кассовых операций Сергей Иванович Ганичев обмолвился о ситуации с Олегом, и реакция Владимира Сергеевича последовала незамедлительно. Оказывается, он хорошо был знаком с известным хирургом Гавриилом Абрамовичем Илизаровым, тем самым, кто фактически вернул к жизни известного легкоатлета-прыгуна Валерия Брумеля. Тут же, позвонив по телефону, он договорился о встрече доктора с Олегом, которая вскоре и произошла. Уже через месяц Олег был в своём коллективе. Нога, правда, была ещё в том самом чудодейственном устройстве, которое изобрёл Илизаров, а в руках была тросточка, но зато он ходил самостоятельно и в глазах светилась радость. Нет, это не была просто услуга пострадавшему, это было деятельное участие в судьбе рядового сотрудника человека, умеющего сострадать.

Другой характерный случай относился ко времени, когда в стране, и в Москве в частности, проходила кампания по выборам в Верховный Со-

вет СССР и в местные советы народных депутатов. За Госбанком СССР, как и за другими крупными коллективами, была закреплена территория, на которой наши агитаторы должны были вести разъяснительную работу среди населения. Как всегда в таких случаях, кто-то категорически отказывался идти голосовать, и надо было разбираться в причинах такой позиции жителей района. На мне как секретаре парткома лежала обязанность встречаться с этими людьми и находить аргументы для их переубеждения. В конкретном случае я пришёл в коммунальную квартиру в Марьиной Роще, и дверь мне открыла молоденькая девушка, которой, как оказалось, совсем недавно исполнилось 18 лет. Именно она и была тем самым «отказником», которого я должен был переубеждать. Она провела меня в крохотную комнатуху, где ко всему прочему ещё и стояла детская кроватка, в которой мирно посапывал малыш. Скажу честно, это как-то не вязалось с возрастом мамы. Тогда я услышал рассказ о судьбе этой женщины, который она подкрепляла документами и письмами от разных инстанций, где говорилось, что в соответствии с действующими правилами у неё нет шансов на решение поставленного вопроса.

А суть дела была такова. Двое ещё весьма юных создания полюбили друг друга и захотели расписаться, но поскольку им ещё не было 16, местная власть в лице исполкома не разрешила им этого. Через некоторое время оказалось, что они ждут ребенка, и тогда в виде исключения брак был разрешён. Будущий папа решил найти работу, что в его возрасте было весьма непросто, и каким-то образом ему удалось устроиться в танцевальный коллектив, где он смог начать реализовывать, как оказалось, имеющийся у него талант. Там он поработал чуть более двух лет, но случилось несчастье — он получил травму позвоночника, болел и, к несчастью, через короткое время умер. Женщина осталась одна с ребёнком, родителей у неё не было, а родители мужа в обиде на сына за его, как им казалось, необдуманное и скоропалительное решение жениться в помощи отказали. Женщина обращалась в разные инстанции с просьбой о получении хоть какой-то пенсии за мужа, которую он, как ни верти, за свою работу никак не заслужил. В райисполкоме и его службах мне доходчиво объяснили, что вопрос нерешаем, максимум их возможностей это некоторая разовая материальная помощь, а целесообразности ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями они не видят. Потом, как мне сказали, она, молодая здоровая женщина, сумеет заработать. При этом в глазах чиновников просматривался некий подтекст, от которого на душе становилось совсем плохо. Тогда-то я и обратился к В. С. Алхимову как к депутату Верховного Совета СССР с просьбой поискать приемлемое решение. Я не услышал ни единого намёка на отсутствие связи этого дела с работой Госбанка, ни возможной в таких случаях дежурной фразы об отсутствии связи с окру-

гом, который он представлял. Только как-то грустно прозвучали его слова, что в стране победившего социализма вообще возможен подобный подход к решению проблемы конкретного человека. В день выборов, когда я был на избирательном участке в Марьиной Роще, ко мне подошла та женщина, поблагодарила, сказала, что уже работает и занимается оформлением документов на получение пенсии. Это была ещё одна маленькая победа, которая стала возможной благодаря человеку, защищавшему нашу Родину от врага и по велению своего сердца в мирное время готового бескорыстно помочь нуждающемуся человеку.

Таков набросок к портрету нашего современника или, если хотите, нашего современника того времени, героя войны, руководителя крупного общесоюзного ведомства. Набросок, потому что каждый, кто имел возможность поработать с этим человеком, мог бы дополнить его портрет новыми штрихами. Понимаю, что могут быть высказаны и такие мнения, которые отразятся на портрете даже не одной морщинкой, поскольку это был всё-таки непростой человек волевого характера, но они на мой, пусть и субъективный, взгляд всё равно не изменят общей картины.

Моя последняя встреча с Владимиром Сергеевичем состоялась совсем случайно, в 1990 году в Кремлёвском дворце съездов. На традиционный, наверное, в таких случаях вопрос «Как ваши дела?» он, как всегда, слегка улыбнувшись, коротко ответил: «Тружусь...» Мне хотелось о многом поговорить в тот момент, посоветоваться, как это бывало в прошлом, но нам удалось обменяться лишь несколькими фразами, и его увлёк поток таких же случайно встретившихся знакомых. Хотелось надеяться, что среди них было большинство, кто искренне считал себя соратником этого интересного человека.

Человек, который «обокрал Америку»

В 60-х годах Советский Союз остро нуждался в новых технологиях, современном промышленном оборудовании. Стране был необходим выход во внешний мир, но на пути стояли существовавшие в те времена в западном мире запреты на предоставление Советскому Союзу кредитов. Особо жёсткую позицию в этом вопросе занимали США, оказывая серьёзное политическое давление и на другие страны.

Над решением этой проблемы работала возглавляемая премьером А. Косыгиным большая группа специалистов, в которой В. Алхимову — одному из инициаторов новой кредитной политики страны на внешнем рынке — отводилась важнейшая роль: вести самые сложные, запутанные, порой зашедшие в тупик финансовые переговоры. И делал он это, как утверждают современники, блестяще!

Первой «сдалась» Великобритания: в 1964 году один из ведущих лондонских банков, Мидлендбэнк, принял решение о предоставлении СССР крупных кредитов сроком на 10–15 лет.

Как вспоминает академик Георгий Арбатов, близко знавший В. Алхимова не один десяток лет, тот прекрасно разбирался не только в банковской, но и в валютно-финансовой системе как Советского Союза, так и мира в целом, обладал огромной внутренней культурой.

Однажды его переговоры по долгосрочным кредитам с министром финансов Японии Фукудой, казалось, зашли в тупик. Неожиданно Алхимов сказал: — Знаете, господин Фукуда, у меня легкая рука. В свое время мы провели успешные переговоры с министром торговли Англии Хитом. И представляете, вскоре он стал премьер-министром. Плодотворно также завершились переговоры с министром финансов и экономики Франции Жискара д'Эстеном. Это, конечно, совпадение, но впоследствии он был избран президентом страны. Не улыбайтесь, после того как мы достигли договорённости о крупной сделке с министром финансов Италии Коломбо, он вскоре возглавил кабинет министров. Так неужели вы, министр финансов Японии, упустите такой счастливый случай?

Конечно, шутка привела к положительным результатам, а Фукуда впоследствии и в самом деле стал премьер-министром.

В своё время приобрела широкую известность история с закупкой в США крупной партии фуражного зерна. Владимиру Сергеевичу удалось добиться большой льготной скидки.

Вспоминает президент компании PepsiCo Дональд Кендалл, в те годы бывший сопредседателем (Алхимов — с советской стороны) Американско-Советского торгово-экономического совета:

— Американцы считали сделку слишком дешевой и даже требовали её пересмотра. В стране поднялся большой шум, американские газеты пестрили заголовками «Алхимов обокрал Америку». На посвящённом скандалу пресс-конференции Алхимов сказал: «Зерно куплено по ценам мирового рынка. Но если вы считаете такое положение ошибочным, давайте его исправим, пересмотрим сделку. Но мне кажется, такой пересмотр цен на проданное надо решать комплексно. Мы, например, считаем, что вы обокрали нас, когда купили у нас Аляску. Так вот, мы вернём вам ваше зерно, а вы нам — наши деньги. Одновременно мы вернем вам ваши 7 млн долларов, заплаченные за Аляску, а вы нам — нашу Аляску».

Зал на мгновение притих, а затем разразился гомерическим хохотом. Эта шутка полностью сняла проблему. Вот цена юмора, так присущего Алхимову. Без участия В. Алхимова не обходилось ни одно совещание своеобразного «совета мудрецов», собиравшего под эгидой ООН, Всемирного банка или МВФ известнейших людей из разных стран.

60-летие Госбанка. В. С. Алхимов водит по выставке зарубежную делегацию. 1981 г.

В 1965 году, участвуя в совещании под эгидой ООН, когда 12 авторитетнейших специалистов мира по валютным операциям должны были выработать рекомендации по ряду глобальных валютных проблем, В. Алхимов первым поднял вопрос о свободной цене на золото. С 1934 года цена за тройскую унцию (31,1 г.) золота для мирового рынка установилась в 35 долларов. Владимир Сергеевич понимал, что в середине 60-х годов эта цифра не отвечала реальности: цена неизбежно и постоянно будет расти. С этим он выступил на совещании, предложив поднять цену, по крайней мере, до 100 долларов за унцию. Западные эксперты категорически возражали, и это понятно: их страны за дешево скупали золото, а Советский Союз в то время был одним из главных поставщиков его на мировой рынок. В. Алхимов настоял на том, чтобы его «особое мнение» было записано в докладе ООН. И предвидение вскоре оправдалось — цена за тройскую унцию золота поднялась до 140–180 долларов.

— Алхимов был человеком новаторским, — говорит В. В. Геращенко. — Всё новое, что появлялось в инструментах деятельности западных банков, он призывал руководство наших загранбанков попытаться внедрить.

А Дмитрий Пензин, главный консультант совета директоров Внешэкономбанка, многие годы бок о бок проработавший с Владимиром Алхимовым, в свою очередь, вспоминает:

— В мою бытность президентом Московского народного банка в Лондоне — в 1983–1984 годах — Алхимов, как позже выяснилось, самостоятельно, без согласования с руководством страны санкционировал выпуск так называемых «деPOSITных сертификатов». Бумаги были высоколиквидными и краткосрочными. Конечно, для западных стран такое не считалось новостью, а в истории СССР это были первые ценные бумаги на мировом валютном

рынке. Дебют оказался очень успешным. Теперь этот рыночный инструмент широко использует правительство России.

В. Алхимов во многом опережал своё время. И нередко ему приходилось сталкиваться с непониманием, а то и сопротивлением в самых высших государственных сферах.

«Алхимов довольно принципиально ставил вопросы, которые нужно решать с высшим руководством страны», — вспоминает В. Геращенко.

И здесь у него всегда хватало мужества и смелости, если, скажем, вопрос не получал какого-то положительного решения, ставить его снова, несмотря на определённое неудовольствие, которое проявлялось даже со стороны премьер-министра. Как и в молодости на войне, ему часто приходилось вызывать огонь на себя.

В январе 1986 года В. Алхимову предложили освободить пост главы Госбанка СССР. О причинах не сообщалось, но глубинная была в том, что уже в те годы он понимал: допускавшиеся в ходе «перестройки» просчёты в области экономики вели к подрыву платёжного баланса страны, истощению золотовалютных резервов, падению производства и производительности труда. Предлагая свои рецепты исправления допущенных ошибок, Владимир Сергеевич пытался убедить руководство государства в том, что в противном случае страну ждёт жестокий кризис, гиперинфляция и как итог — распад. По-видимому, пессимистический тон обращений в высшие инстанции сильно раздражал. Владимир Алхимов умер в 1993 году, став очевидцем собственного прогноза: страну постигли и тяжелейший экономический кризис, и гиперинфляция, и распад СССР.

Елена Соколова.

Человек, который «обокрал Америку» // Российская газета. 26.10.1999.

Владимир Сергеевич Алхимов родился 25 октября 1919 года в деревне Никулино ныне Смоленского района Смоленской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б)/КПСС с 1942 года.

Его отец работал секретарём волисполкома и летом 1922 года был убит кулаками. Владимир с ранних лет работал в колхозе, нанимался пасти скот. В 1935 году он закончил местную семилетнюю школу и поступил в Смоленский финансово-экономический техникум. С 1938 года учился в Ленинградском финансово-экономическом институте.

С началом Великой Отечественной войны, 27 июня 1941 года, добровольцем ушёл на фронт. Рядовой Алхимов сражался на подступах к Ленинграду, был заместителем политрука роты. В декабре 1942 года был ранен. После госпиталя был направлен в Ленинградское артиллерийское училище, которое окончил в 1943 году. С января 1944 года вновь на фронте.

Центральный аппарат

Участвовал в освобождении Белоруссии и Прибалтики. Гвардии лейтенант Владимир Алхимов с передовых наблюдательных пунктов корректировал огонь своего дивизиона. При переправе через речку Лучеса гитлеровская батарея яростно обстреливала участок фронта, занятый гвардейцами-кавалеристами, и мешала их продвижению. По звуку выстрелов Алхимов обнаружил позицию врага и несколькими залпами заставил его замолчать. Дорога конникам была открыта.

Под Каунасом гвардии лейтенант Алхимов скорректировал огонь своих батарей на скопление танков и самоходных орудий противника и сорвал их контратаку. Близким разрывом снаряда был контужен, но остался в строю. В бою за город Таураге с группой бойцов проник в центр охваченного пожаром города, отбил у врага мощный бронетранспортер, три автомашины и доставил их в свою часть. За героизм и отвагу, проявленные при освобождении Советской Литвы, Алхимов был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Командир батареи гвардии лейтенант Алхимов отличился в боях в Восточной Пруссии. <...> Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками гвардии лейтенанту Алхимову Владимиру Сергеевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 7108).

Войну капитан Алхимов закончил начальником топографической службы артиллерийской бригады. Участвовал в разгроме японских милитаристов на Дальнем Востоке.

В ноябре 1946 года демобилизовался и возвратился в Ленинградский финансово-экономический институт. После его окончания в 1947 году, по рекомендации партийных органов, был направлен на учёбу во Всесоюзную академию внешней торговли.

www.podvigirasy.ru/mg/20080807/index_4_1.html